

Фу Иншэн, конечно же, не считал, что у Бай Туна есть подобные способности.

Испытав сильнейший шок, он мысленно записал Бай Туна в ряды «прохиндеев и оппортунистов».

Учится спустя рукава! Отношение к делу несерьезное! К тому же промышляет жульничеством, подделкой результатов и академическим мошенничеством!

Это просто возмутительно!

У профессора Фу от гнева подрагивала борода.

С трудом подавив ярость, Фу Иншэн принял две таблетки успокоительного. Когда дыхание выровнялось, он наконец написал Бай Туну официальный ответ. Будучи профессором, повидавшим на своем веку немало, он сначала похвалил саму тему исследования, а затем в вежливой форме выразил желание встретиться с автором этой работы и лично с ним побеседовать.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился, но, стоило ему взглянуть на идеи, изложенные в аннотации, как интерес вспыхивал с новой силой — прямо как будущий тесть, который любит зятя: чем дольше смотрит, тем больше тот ему нравится.

Селекция госмощностей в стране не пользовалась особой популярностью в профессиональных кругах. Такие развитые страны, как Европа и государство Б, достигли в этой сфере выдающихся высот, в то время как отечественное выведение сортов топталось на месте. Настроения в отрасли царили пессимистичные: считалось, что заграница опережает их на много лет и преуспела во всех аспектах, поэтому отечественным специалистам не стоит и пытаться тягаться с ними.

Конечно, когда-то находились энтузиасты, бравшиеся за селекцию, но в большинстве своем выведенные ими розы безжалостно проигрывали европейским сортам.

Со временем это направление просто предали забвению.

Изредка кому-то и удавалось вырастить неплохие сорта, но любовались ими лишь в узком кругу «своих».

Фу Иншэн тяжело вздохнул.

«Устремиться за мечтой — значит бросить вызов собственной злой судьбе; на улице, усыпанной монетами в шесть пенсов, он поднял голову и увидел луну».

* * *

Удалив контакт Бай Туна, Се Минчжу сидел на парковой аллее и с непроницаемым выражением лица зажигал сигарету.

Раньше он курил часто — по несколько штук в день, но после возвращения в высший свет брался за сигарету лишь изредка, когда на душе скребли кошки.

Вдохнув этот пошлый, тлетворный дым земного мира, Се Минчжу почувствовал, как постепенно успокаивается. Он раскрыл недочитанную книгу и бегло просмотрел страницы, беззвучно шевеля губами.

Клубился дым, огонек добрался до самого фильтра и обжег пальцы.

Се Минчжу тихо шикнул, изогнув брови дугой, и потряс рукой.

— Будет в следующий раз? Мечтать не вредно!

Вскоре после возвращения Се Минчжу домой ему позвонил Се Фусюэ.

Тот держал в руке телефон, и раскаленный от долгой работы корпус аппарата лишь через ощущение искусственности происходящего позволил осознать, кто именно находится на другом конце провода.

История с поисками замены заставляла его чувствовать себя немного не в своей тарелке, поэтому тон должен был выдавать это смущение и старательно подавляемую естественность.

Се Минчжу произнес:

— Как ты там устроился?

Голос Се Фусюэ был мягким и тихим — он странным образом совпадал по тембру с голосом Бай Туна. Брови Се Минчжу слегка дрогнули, когда он услышал в трубке:

— Нормально. Вот только я так по всем вам скучаю, что и на душе тоскливо...

Те несколько секунд, когда накрывает сладостное предвкушение, до боли напоминают настоящую любовь.

— Как же я соскучился по еде из города А! Здесь одни сосиски, хлеб да картошка — не прошло и трех дней, как от этого воротить начинает, — с искренним возмущением пожаловался Се

Фусюэ.

Слушая его голос, Се Минчжу включил громкую связь и продолжал заниматься своими делами. В нем определенно жилка трудоголика: стоило остановиться, как мысли начинали блуждать.

В его воображении даже нарисовалась умиротворяющая картина: Се Фусюэ полулежит на диване, на лице — мягкое и сосредоточенное выражение, возможно, фоном включена какая-нибудь непопулярная передача, а он покачивает ножками под звуки телевизора — уютная, домашняя атмосфера.

Се Минчжу спросил:

— Чего-нибудь не хватает? Я пришлю.

Се Фусюэ тихонько засмеялся:

— Не стоит утруждаться, здесь всё легко купить.

Се Минчжу сказал:

— Заботься о себе.

Он услышал на том конце шуршание — похоже, Се Фусюэ раздевался.

Лицо Се Минчжу на мгновение слегка омрачилось и стало холодным.

Вдруг рядом кто-то отчетливо произнес: «Малыш, открой дверь».

Голос звучал страстно и пылко. Се Минчжу замер в ту же секунду, и по щеке словно хлестнули пощечиной.

Се Минчжу тут же бросил:

— У тебя в комнате кто-то есть?

— ... — Се Фусюэ помедлил секунду, а затем рассмеялся. — Ты о чем вообще думаешь? По телевизору как раз сцену измены крутят, такая интригующая! Хочешь, назову название фильма?

Се Минчжу заговорил запинаясь:

— ...Не нужно. Находясь за границей, береги себя.

Он не мастер сладкоречивых бесед, ему куда привычнее говорить о работе, отчего разговор получался несколько суховатым.

Не зная, что еще добавить, Се Минчжу отделался парой дежурных фраз и повесил трубку.

Сбросив вызов, он хотел перевести Се Фусюэ денег, но посчитал это неуместным; собирался заказать ему подарки, но понял, что совершенно в этом не разбирается.

И тут он вспомнил про Бай Туна.

Функция временной замены — дешевая, но полезная.

Взяв телефон, он уже собирался договориться с Бай Туном о встрече, как вдруг увидел красный восклицательный знак.

Се Минчжу: «.»

На этот раз Се Минчжу вышел из себя по-настоящему.

— Дурак! — Се Минчжу закурил сигарету, но в легком мятном дыму его настроение ни капли не улучшилось.

Думая о Бай Туне, он невольно вспоминал Се Фусюэ.

Скривив губы в подобии улыбки, он прижег сигаретой собственную ладонь и, сквозь стиснутые от боли зубы, тихо рассмеялся.

* * *

На другом конце провода.

Короткое молчание было слишком подозрительным.

Се Фусюэ прищурился, его веки опустились, а на лице застыло холодное выражение.

Увидь его сейчас Се Минчжу — его глазам бы навернякалезли на лоб от удивления: перед ним был совсем не тот мягкий и чистый юноша из его воспоминаний!

Поразмыслив с бесстрастным лицом пару мгновений, Се Фусюэ набросил рубашку.

Тот самый только что попавшийся на крючок ухажер за дверью совершенно не умел сдерживаться и колотил в дверь с громким стуком: «Тук-тук-тук!»

Недовольно поморщившись, Се Фусюэ запустил пальцы в волосы и пошел открывать.

Нравы за границей были свободными — гость тут же полез целоваться.

Се Фусюэ, неизменно являвший миру образ чистой невинности, не стал отталкивать его и с абсолютно каменным лицом ответил на поцелуй.

В отличие от иностранца, который самозабвенно тонул в этом поцелуе, Се Фусюэ вел себя холодно и сдержанно, впору было сказать, что он совершенно не получает от процесса удовольствия.

Его сжатые в кулаки руки постепенно разжались, а взгляд упал на перекошенное от вожделения лицо мужчины, в то время как на собственном лице он изобразил непринужденное и чуть робкое выражение.

Поправив волосы, Се Фусюэ вновь придал лицу простодушное и наивное выражение, стоило мужчине влюблено и жадно уставиться на него.

Обольщать мужчин оказалось проще простого — пока у тебя есть такое лицо, никаких проблем не возникнет.

Ему нужно очень, очень много мужчин.

* * *

Когда Се Минчжу позвонил, Бай Тун как раз отправил научному руководителю готовую вводную часть курсовой.

Телефон стоял на беззвучном режиме, поэтому уведомлений не было. Когда Бай Тун наконец ответил, в трубке долго стояло молчание.

Бай Тун клевал носом и даже не посмотрел, кто звонит.

Подняв трубку, он сладко зевнул, и его голос прозвучал лениво и обессиленно.

— Алло, кто это?

Се Минчжу холодно усмехнулся:

— Ха.

— ? — сонный донельзя Бай Тун мгновенно протрезвел наполовину. — Се Минчжу?

Се Минчжу, изначально кипевший от злости, при звуке сонливого голоса Бай Туна растерял треть своего гнева.

В конце концов, любой нормальный человек понимает, который сейчас час.

Се Минчжу спросил:

— Завтра у тебя будет время?

Бай Тун ответил:

— С девяти до пяти, переработка оплачивается в двойном размере.

Се Минчжу бросил:

— Записывайся на двухчасовой слот, с двух до пяти.

Бай Тун достал маленький блокнотик и пометил зеленым маркером время с двух до пяти.

Цвета измен всегда со мной, помогаем бессовестному альфа-самцу.

Бай Тун поинтересовался:

— Какова программа?

Се Минчжу ответил:

— Поедем вместе за покупками в супермаркет.

Бай Тун на мгновение задумался, но тут же всё вспомнил.

Альфонс Се Фусюэ был вынужден уехать за границу, но в душе затаил обиду. Прекрасно зная, что Се Минчжу к нему равнодушен, он не давал четкого ответа, но при этом словно бы незримо контролировал его.

Бай Тун сказал:

— На время свидания все разумные расходы берешь на себя ты.

Требование было вполне обоснованным.

— Договорились, — Се Минчжу потер переносицу. — Что-то еще добавишь?

Бай Тун глянул на глазок для подглядывания в стене, прикусил губу и произнес:

— С учетом официального возмещения расходов на проживание... Большой босс, не могли бы вы подыскать мне жилье?

Се Минчжу тихо хмыкнул:

— С каких это пор ты раскошеливаешься?

Ого!

Судя по его тону, он абсолютно не осознавал свою роль главного спонсора.

Вылитый живой скупердй и мироед!

Бай Тун ответил:

— Ты и платишь.

Се Минчжу холодно фыркнул:

— А ты я смотрю, мастер...

— ...садиться на шею от вседозволенности? — плавно подхватил Бай Тун.

— ...нагнать с каждым днем.

Бай Тун переспросил:

— Ладно, так можно? Ну можно же?

В голосе Бай Туна зазвучали мягкие нотки, а капля сонливости придала его интонациям уютное, домашнее звучание.

— Нельзя, — безжалостно отрезал Се Минчжу.

Он отказал настолько быстро, что между ними повисло неловкое молчание.

Се Минчжу навел справки о Бай Туна и знал, что тот рос в одной семье с Пэн Фанем.

Пэн Фань пересекался с ним по делам, и Се Минчжу слышал, что это семейство отличается добротой и отзывчивостью — они приютили сироту и вырастили его.

Исходя из этого впечатления, Се Минчжу решил, что Бай Тун просто капризничает без причины.

Холодным тоном он поинтересовался:

— С какой стати ты съехал? Чтобы никому не доставлять хлопот?

— Да потому что за мной кто-то подглядывает.

Бай Тун произнес эту жутковатую фразу с абсолютно невозмутимым выражением лица, отчего Се Минчжу на мгновение потерял дар речи.

Пока он молчал от неожиданности, Бай Тун залепил глазок бумажкой.

Бай Тун сказал:

— Я уже заклеил эту дыру, не переживай, новую он соорудит не раньше завтрашнего дня.

— ... — Голос Се Минчжу стал низким, хриплым и сочился тревогой: — Хорошо.

Бай Тун не сразу сообразил:

— Ты согласился мне помочь с жильем?

Се Минчжу бросил:

— Да.

Повесив трубку, Се Минчжу массировал ноющую переносицу, а чувство вины вытеснялось новыми заботами.

— Лжец...

В то же время.

Бай Тун обдумывал планы на завтрашнюю работу.

Продвижение мечты повсюду требует денег.

Отложив ежедневник, Бай Тун достал тюбик детского увлажняющего крема Johnson's.

Глядя в зеркало, он поставил по капельке крема на кончик носа, лоб, щеки и подборок, а заодно критически окинул взглядом свое отражение.

Хотя он уже почти закончил университет, лицо его еще не до конца сформировалось: черты изящные, слегка детские, линия подбородка плавная, во взгляде читается некоторая заторможенность. Эта детскость придавала образу чистую красоту, смягчая соблазнительные черты лица, а если приглядеться, под глазом обнаруживалась крошечная мушка: когда он не улыбался, от него веяло холодом и водной гладью, а стоило улыбнуться — и весь мир мерцал, а уголки глаз вспыхивали ослепительным персиковым цветом.

Но сам Бай Тун вовсе не считал себя писанным красавцем.

Невпопад растирая крем по лицу, он по-кошачьи потянулся.

Пижама за годы носки села, и во время потягушек обнажилась полоска белой кожи.

Когда в комнату зашел Пэн Фань, первое, что бросилось ему в глаза — эта самая белизна.

Белизна резала глаз.

Да так сильно, что испуганный Пэн Фань поспешно ретировался.

Лишь спустя мгновение, придя в себя, он грязно выругался:

— Твою мать, он еще и кремом мажется?!

Примечания автора:

* Цитата из романа Сомерсета Моэма «Луна и грош».

<http://bllate.org/book/21952/2280872>